

# Невский форум: секция «Кризис доверия в современном правопорядке» (Санкт-Петербург, июнь 2021 г.)

## Разуваев Николай Викторович

главный редактор журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция», доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского и трудового права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация; nrasuvaev@yandex.ru

## Шмарко Ирина Константиновна

ответственный редактор журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция», Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация; shmarko-ik@ranepa.ru

**26 июня 2021 г. в рамках Невского форума на юридическом факультете СЗИУ РАНХиГС была организована секция «Кризис доверия в современном правопорядке: угрозы и пути преодоления». В дискуссии принимали участие российские и зарубежные ученые и юристы-практики, обсуждались такие проблемы, как трансформация принципов правового государства в век постмодерна, политические и юридические угрозы стабильности правопорядка, средства развития диалога государства и личности, инструменты правовой коммуникации в условиях цифровизации.**

Модератором секции выступил декан юридического факультета СЗИУ РАНХиГС Сергей Львович Сергеевич. В качестве спикеров на дискуссионной площадке выступили судья Конституционного суда Российской Федерации Александр Кокотов, заведующий кафедрой теории и истории государства и права СПбГУ Владислав Архипов, профессор кафедры теории и истории государства и права СПбГУ Дженевра Луковская, Андрей Поляков, Елена Тимошина, профессор кафедры теории и истории права и государства Воронежского государственного университета Владислав Денисенко, старший научный сотрудник кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии государственной службы Юрий Ветютнев, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Никита Малютин, доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (филиал в Санкт-Петербурге) Ия Осветимская, директор Центра исследований проблем общественной безопасности и правопорядка при СЗИУ РАНХиГС Константин Мордвинов.

В числе приглашенных экспертов в мероприятии приняли участие профессор Университета Этвёша Лоранда (Венгрия) Иштван Хоффман и декан юридического факультета Университета г. Кель (Германия) Патрик Терри. Особую благодарность хотелось бы выразить профессору кафедры правоведения СЗИУ Людмиле Ескиной и доценту кафедры правоведения Валентине Есеновой, чьи доклады прозвучали на секции. В настоящем обзоре представляем вниманию читателей тезисы выступлений некоторых участников.

**Кокотов Александр Николаевич<sup>1</sup>.** Доверие в первом приближении можно определить как социально-психологический настрой людей на восприятие чужих действий как своих собственных, как предсказуемо обеспечивающих наши собственные интересы. Доверие — это готовность людей поддерживать правила общего поведения, обеспечивать взаимодействие. Такое понимание доверия очень важно для сложных изменчивых отношений, глубокого разделения труда, характерного для современного общества. Это и способ преодоления отчуждения в общественных отношениях между разными группами, слоями населения, в том числе с противоположными интересами, это то социальное чувство, которое помогает представителям разных классов, групп терпеть друг друга в обществе, взаимодействовать, несмотря на все противоречия, которые у них существуют, путем достижения консенсуса, который в идеале должен быть демократическим. Доверие — это один из видов социально-правового капитала, без которого невозможен никакой правопорядок.

Доверие в сфере права имеет несколько измерений: с одной стороны, это предмет правового регулирования, в рамках которого выделяют в том числе специальный набор понятий, конструкций в разных отраслях права. Например, наиболее значимый конституционный принцип доверия, который мы извлекаем, например, из преамбулы ст. 15, ст. 1 Конституции России, — принцип, который интерпретируется Конституционным судом РФ как имеющий особую социальную ценность и значимость, играющий роль поддержания доверия к закону и действиям государства, разным

<sup>1</sup> Судья Конституционного суда Российской Федерации, доктор юридических наук.

социальным институтам. В разных позициях Конституционного суда можно найти обращение к этому принципу, где суд показывает, что принцип этот должен приниматься законодателем во внимание.

Конечно доверие выступает значимым базисом правового поведения. Доверие, по мнению Конституционного суда, — это важный критерий в рамках социально-правовой действительности. Здесь принцип доверия выступает как правовой идеал, эталон общеправового и общесоциального значения, через призму которого только и можно осуществлять проверку явлений социально-правовой действительности. В этом необычном, далеком от нас мета-правовом пространстве доверие и недоверие выступает в качестве поведенческого выражения фундаментальных не только для права, но и социума в целом начал, таких как справедливость, свобода, необходимость. Если доверие по определению наличествует в правовом порядке, в чем же проблема и нужно ли говорить о кризисе правового порядка? Важно не только наличие доверия как такового, но и уровень, качество доверия, наличие того консенсуса в обществе, на основе которого такое доверие как основа общественного развития только и может существовать.

Не надо заглядывать в данные социологических опросов по доверию, чтобы констатировать, что кризис доверия в настоящее время существует. Любой кризис — источник для развития, движения вперед, для развития общества. Конечно, кризис доверия в правовом порядке выражается в запредельном уровне недоверия между людьми, принадлежащим разным группам. Например, запредельный разрыв в уровне доходов становится источником кризиса, в том числе и доверия.

Доверие может иметь разные проявления и качества. Одно дело — подлинно доверительные отношения между разными группами, людьми, и другое дело — слепая доверчивость к тому, что делают власти предержащие. По моему мнению, в нашем обществе слепая доверчивость, как проявление патерналистских начал, представляет проблему, в том числе для современного правового порядка и его развития. В рамках развития правового порядка важно обратить внимание на те локомотивные общественные группы, если они есть в обществе, которые могут его двигать вперед на основе политического консенсуса, верховенства права. Развитие правового порядка возможно только на основе доверительных отношений представителей разных социальных групп. В целом площадки, где могут договариваться между собой представители разных конфессий, классов, групп, существуют. Но насколько они эффективно работают (государственные институты, профсоюзы и т. п.)?

О кризисе доверия говорил Иван Александрович Ильин, когда обращал внимание на то, что взаимное недоверие — сила, разрушающая правовой порядок и государство; взаимное недоверие усиливает и разжигает центробежное тяготение различных классов, и если классовая солидарность не сложилась в душах, не окрепла, не осознанна в достаточной мере, то правовое единение разрешается в гражданскую войну и государство распадается. И. А. Ильин также писал, что государство вообще не может существовать, если оно превращается в систему взаимного недоверия, подозрения, если власть не доверяет гражданам, то это значит, что она ожидает от них дурных и противоправных влияний, она не надеется на их правосознание и потому признает их неблагонадежными, она испытывает их волеуправление как противогосударственное или противоправительственное, усматривает в их действиях крамолу и диверсию и при первом же поводе провозглашает их внутренними или классовыми врагами. Очень давно писал эти строки Ильин, но как будто они написаны вчера. Мне хотелось бы обратить внимание на ст. 2 Конституции России, которая говорит о приоритете прав и свобод граждан.

Только на демократическом консенсусе возможно общеправовое доверие. И одно из составляемых этого консенсуса — приоритет прав и свобод. Государство, как бы тяжело ни было двигаться в этом направлении, должно обеспечить приоритет прав и свобод — главное условие обеспечения доверия в сфере национального правового порядка. В некоторых решениях Конституционного суда мы можем увидеть косвенную попытку уклонения от этого важного конституционного положения, как мешающего стране защищать свой суверенитет, когда мы от приоритета прав и свобод переходим к приоритету запретов, обязанностей. Но все же права должны иметь приоритет. Например, введение режима ограничительных мер в условиях пандемии Covid-19, оправданных самих по себе, постепенно формирует у публичной власти вкус к использованию ограничительных мер не только в чрезвычайных ситуациях, но и в обычных условиях. Это опасно. И в этих условиях исполнительная власть получает определенный приоритет перед другими ветвями органов власти.

В свете сказанного ранее хотелось бы обратить внимание на две тенденции, которые демонстрируют движение от приоритета прав на приоритет ограничений: наметилась тенденция ограничения прав, в том числе политических прав отдельных категорий лиц, которые лишаются своих прав на бессрочной основе, — например, лишение пассивного избирательного права лиц, имеющих судимость за тяжкие и особо тяжкие преступления, и др. Конституционный суд в своем постановлении подтвердил, что такое ограничение прав возможно. Но не могут же быть такие ограничения бессрочными. Таким образом, если сохранится данная тенденция смещения приоритета с прав на обязанности, то мы рискуем слишком далеко уйти в этом направлении.

**Луковская Дженефра Игоревна**<sup>2</sup>. Мне бы хотелось рассмотреть вопрос справедливости как условия доверия к праву. Во-первых, я исхожу из понимания справедливости, как коренящейся в природе права, как его имма-

<sup>2</sup> Доктор юридических наук, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

нентной характеристике, а не внешнего начала, оказывающего влияние на право. Во-вторых, я считаю, что в праве заключено стремление к справедливости, правильности. Право, права, справедливость образуют единое идейное смысловое поле. Во-вторых, благодаря присутствию в праве справедливости, оно получает моральное обоснование, и при таком подходе справедливость в ее взаимоотношении со свободой, равенством в свободе вносит в понятие свободы то нравственное постоянство, которое, как утверждал Сократ в его полемике с софистами, препятствует превращению свободы в стихийный произвол, с тем чтобы свобода стала «нравственной и достойной человека».

Доверие к праву в распространенном понимании правовой легитимности предполагает внешнюю оценку законов, всего действующего правопорядка. Как измерить эту оценку? Да, конечно, могут проводиться социологические опросы, но даже такой известный исследователь социологических аспектов легитимности, как И. Л. Честнов, считает количественное измерение трудноразрешимой проблемой. Со своей стороны хотелось бы подчеркнуть, что законы, действующие в социуме, в том числе правовые законы, не подобны природному объекту со стороны наблюдающего субъекта, общества, группы, индивида. Субъект оценивает право как вызывающее или не вызывающее доверие в качестве участника правовой жизни общества. Доверие к праву выражается во взаимно доверительных, уважительных договорных и иных отношениях субъектов, наделенных правами и обязанностями.

Право, как писал Фехнер, поскольку оно включает деятельное подтверждение чужого существования именно в доверительных отношениях желающих свободы субъектов, находит свое наивысшее воплощение, так что все правовое взаимодействие покоится на этом основании, а без него не было бы и общества. Такие доверительные отношения и оказываются основой формирования справедливости как особого правового социального института.

**Поляков Андрей Васильевич**<sup>3</sup>. Я попытаюсь рассмотреть связь доверия с правовой коммуникацией, изучением которой я занимаюсь, и наметить еще один возможный теоретический подход к объяснению феномена доверия. В праве доверие проявляется через субъект-субъектные отношения и теснейшим образом связано с поведением. Доверие в этом ракурсе предполагает предсказуемость поведения другого, причем это поведение должно быть воспринято доверителем как оправданное, т. е. имеющее право на существование, следовательно, признаваемое таким доверителем.

Доверие, таким образом, появляется при условии соблюдения всеми коммуникантами определенных правил, имеющих для них ценностное значение (которые легитимируются в правосознании общества).

Кому не доверяют? Тому, от кого можно ждать непредсказуемых действий. Доверие несовместимо с опасностью, исходящей от другого. Доверие предполагает безопасность таких отношений. Примерно в таком духе высказываются о доверии те, кто исследовал этот феномен. Например, Александр Николаевич Кокотов в одной из своих работ определяет доверие как «полагание на чужие действия, восприятие их как собственных... Доверие выражается в готовности людей вырабатывать, соблюдать и крепить общие правила поведения в ожидании того, что и другие будут действовать так же»<sup>4</sup>.

Похожие идеи можно найти и у польского социолога Петра Штомпки. Штомпка определяет доверие через «парадигмальную триаду», которая включает в себя: а) ожидание добросовестного и договорного поведения других людей по отношению к вам; б) ваше обязательство не нарушать ожидания других в отношении ваших действий; в) ограничение своих интересов в пользу тех, кому вы доверяете, т. е. солидарность<sup>5</sup>. Аналогичные высказывания встречаются в работах и других авторов.

Для того чтобы свести все эти мысли воедино, необходимо обратиться к человеческому поведению и его мотивам. Мне представляется, что основы формирования доверия следует искать в теории рационального поведения и рационального выбора. Поведение человека в большей своей части, и особенно применительно к праву, по преимуществу рационально. Этому не противоречит то обстоятельство, что человеческая личность и ее поведение формируются и зависят от многих факторов: биологических, социальных, психических (включая подсознание), культурных. Они влияют на рациональный выбор, но не могут подменить его полностью, не могут отменить свободу человеческого выбора.

Если бы это произошло, то и права бы не было, поскольку из него тогда пропала бы ответственность за совершенный человеком выбор. А нормы права из правил должного поведения превратились бы в причинно-следственные отношения, что убило бы идею права на корню. Отношение к объективированным формам права также является результатом рационального выбора. Это означает, что, решая вопрос признания или непризнания существующих правовых предписаний, человек принимает решение на основе своего сознательного, но непременно ценностного выбора. Этот выбор предполагает взвешивание (ранжирование) выгод (благ) и убытков (негативных последствий) в случае совершения тех или иных действий, включая невыгодные последствия применения санкций к нарушителям предписаний.

Любой человек, в силу рациональности своей природы, стремится максимизировать (увеличить) свое благосостояние, т. е. приобщиться к наибольшему количеству ценностей (благ и выгод) и избежать по возможности невыгод, убытков, трат, негативных последствий. Уточню сразу, что духовные блага также являются необходимой частью

<sup>3</sup> Доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права СПбГУ.

<sup>4</sup> Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право. М. : Юрист, 2004. С. 14.

<sup>5</sup> См.: Штомпка П. Доверие — основа общества. Изд. 2-е. М. : Логос, 2012. С. 14.

благополучия и даже могут превалировать в чем-то сознании. Стремление к добру (добродетелям) и стремление избегать зла (пороков, грехов) — это также стремление к максимизации благополучия. (Стяжание Духа Святого — тому пример. Стяжательство может быть святым делом!)

Отсюда и проистекает предварительный вывод о том, что доверие человек может испытывать только к таким отношениям, вещам, институтам и т. д., которые способствуют увеличению (максимизации) его благополучия (служат ему во благо). И хотя ценности у людей могут быть весьма разными, доверие, как превалирующее общественное состояние (например, доверие к правопорядку), возможно только в том случае, если сами объективированные формы нормативных предписаний отражают именно общие и основные для всех ценности, т. е. ценности высшего ранга.

Если постараться объединить озвученные мною идеи, то можно сказать, что доверие — отношение к другому и к его возможным действиям как к действиям легитимным (правомерным), предсказуемым, учитывающим ожидания другого. Доверие означает, что доверяющий не ожидает от доверителя поведения, которое носило бы противоправный характер (т. е. посягающее на его права и тем самым отрицающее взаимность).

В этих констатациях, таким образом, неизменно присутствует то, что можно назвать взаимностью или реципрокностью. Также в представлениях о доверии неизменно присутствует (зачастую имплицитно) то, что можно назвать признанием. Личностное признание в правовом смысле — это восприятие другого человека как коммуникативной личности, т. е. личности, наделенной когнитивными способностями и психическими эмоциями, позволяющими ему быть субъектом прав и обязанностей. От личностного, субъект-субъектного признания следует отличать субъект-объектное признание. Например, признание (легитимацию) существующих законов.

Доверие с этих позиций — это следствие реализации в человеческих отношениях принципа взаимного признания правосубъектности. Данный принцип не придуман теоретиками, а открыт через опыт и анализ человеческих коммуникаций.

Если человек способен познать ценность своего «я», то он способен признать и ценность другого «я», такого же, но другого. Только через такое признание ценность его собственного «я» получает признание со стороны другого, и только таким образом, через взаимное признание, возникает сама возможность существования права. Отражение этого принципа можно найти как в религиозных текстах (возлюби ближнего своего как самого себя и др.), так и в общечеловеческих образцах морали — например, в «золотом правиле» (относись к другому так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе). Не обошли этот принцип и философы. Достаточно вспомнить И. Канта с его категорическим императивом. Не остались в стороне ни И. Г. Фихте, ни Г. В. Ф. Гегель, не говоря уж о современных мыслителях (Ф. Фукуяма, П. Рикёр, А. Хоннет, М. Энафф и др.).

По сути, этот принцип означает признание человека и его прав высшей ценностью. Но также он означает признание разумной человеческой свободы (свободы воли и социальной свободы) как основы человеческой личности, признание формального равенства всех в наделенности основными правами и обязанностями, признание взаимной ответственности всех за собственное поведение, собственный выбор. Он означает также признание равного достоинства людей и солидарности в отношениях через реализацию взаимных прав и обязанностей. Из этих основ выводятся все иные права и свободы, признанные сегодня и составляющие правовой фундамент для развития доверия в праве.

Основанием для такого заявления служит тот факт, что именно означенные ценности и являются максимально общими и максимально значимыми для всех людей, гарантируя им свободное развитие и безопасность. Поэтому я бы сказал так: правовое доверие есть там, где есть взаимное уважение к правам и обязанностям граждан и взаимное признание прав и обязанностей государства (которые носят подчиненный характер). Правовое доверие есть там, где достоинство человека оберегается как зеница ока. Такого рода взаимное признание правосубъектности означает и справедливость подобных отношений. Справедливость самого права и способов его реализации также являются основаниями для доверия граждан к праву и государству.

Укрепляя и развивая принцип взаимного признания, т. е. коммуникативные права и обязанности субъектов, мы будем тем самым укреплять и доверие между ними и государством. Ничто так не укрепляет правовое доверие, как взаимное признание и соблюдение солидарных и суверенных прав и обязанностей как граждан, так и государства. Такие права имеют и индивидуальный, и коллективный характер, включают в себя и социальные права, но реализуются они наилучшим образом в условиях социальной и правовой государственности, в условиях делиберативной демократии.

Действия власти, которые подрывают доверие, даже в случае декларируемого взаимного признания, — это их возможная нечестность и несправедливость. Нечестность проявляется в неисполнении тех ожиданий, которые вытекают из декларированных обязательств. Несправедливость — это действия власти вопреки установленным и признанным правам и свободам.

От *правового* доверия как диалогической коммуникации следует отличать *неправовое* доверие как монологическую коммуникацию. В правовой коммуникации доверие строится на взаимном обмене правами и обязанностями. В неправовой коммуникации (монологической) имеет место доверие как «вручение себя» власти (по Ю. Лотману)<sup>6</sup>.

<sup>6</sup> См.: Лотман Ю. М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры. Избранные статьи: в 3 т. Т. 3. Таллин : Александра, 1993. С. 345–355.

В этом случае отсутствуют взаимные права и обязанности, т. е. имеет место отказ от собственных прав в пользу бесправного служения власти (сервилизм). Такое служение предполагает, что власть может в одностороннем порядке распоряжаться человеком по своему усмотрению (не по праву), вплоть до лишения его жизни. Здесь доверие (вернее, преданность) выступает, скорее, как добровольное жертвоприношение государству, что имело место как в древних деспотиях и теократиях, так отчасти и в известных тоталитарных государствах.

И в этой связи нельзя не вспомнить предостережение И. А. Ильина, которого трудно заподозрить в излишнем либерализме, против неправового восприятия доверия. «Именно уважение к себе как духу, — писал Ильин, — лежит в основании жизненной борьбы за субъективное право. Чувство собственного достоинства устанавливает в этой борьбе... грань, от которой начинается невозможность поступаться своими правами, — таковы все права личной свободы...» Отсутствие свободы личности губительно для государства. «Напрасно... сторонники деспотизма, — писал Ильин, — ...пытаются утвердить правопорядок и государственность вне автономного субъекта прав... Человек, совершенно лишенный прав на внешнее самоопределение, никогда не станет гражданином...» Поэтому «режим, подавляющий автономию духа, воспитывает в гражданах безмолвие и пассивность... Такой человек является не гражданином, а подданным, несущим в душе своей уклад ленивого холопа»<sup>7</sup>.

Нет сомнений в том, что ленивый холоп сможет и обязательно будет прислуживать власти, но он никогда не сможет ей доверять в правовом смысле! Поэтому в возможно полной реализации на практике мыслей И. А. Ильина об автономном субъекте права — гражданине и заключается, на мой взгляд, основное средство поддержания доверия общества к правопорядку и государству.

**Тимошина Елена Владимировна**<sup>8</sup>. Я бы хотела рассмотреть, возможно, частный вопрос теории юридического толкования, который я бы обозначила как вопрос доверия судьи к законодателю и его замыслу, выраженному в тексте закона. Я имею в виду не реальных судью и законодателя, а то, как отношения между ними представляются в современных доктринах толкования. Любая теория толкования предполагает определенную этику толкования, элементом которой является и вопрос доверия к тексту и его автору.

Теории толкования мы можем типизировать в зависимости от того, как в их рамках выстраиваются отношения в треугольнике автор — текст — интерпретатор, применительно к теории юридического толкования это отношения в треугольнике законодатель — текст закона — судья-интерпретатор. Соответственно, можно выделить автороцентричный подход с характерной для него позицией интерпретационного реализма — реализма в смысле позиции, отстаивающей реальность автора и его замысла. На смену ему пришли релятивистские стратегии толкования, которые фокусировали внимание сначала на тексте без автора, изолировав текст от автора, и в этом смысле мы можем говорить о текстоцентричных концепциях толкования, а затем — уже исключительно на фигуре интерпретатора, освободив его от обязанности познания смысла текста и ответственности за «неправильную» интерпретацию.

Классическая автороцентричная теория толкования имела своим основанием безусловное доверие к автору текста и убеждение в возможности познания его истинного смысла. С учетом логоцентричных оснований теорий толкования «смерть Бога» (Ф. Ницше) и последовавшая за ней «смерть Автора» (Р. Барт) могут быть осмыслены как культурные события, обусловившие радикальные трансформации в теории юридической интерпретации. В постмодернистских концепциях интерпретации автор был дискредитирован, а смыслопорождающей фигурой дискурса стал интерпретатор. В теориях юридической интерпретации это обусловило доминирование фигуры судьи в треугольнике «законодатель — закон — судья». Соответственно, мы можем говорить о «смерти» законодателя в смысле утраты доверия к нему как источнику смысла. В современных теориях юридического толкования, исходящих из позиции герменевтического агностицизма, отстаивается тезис о том, что нормы в качестве смысла текста волюнтаристски, *ex nihilo*, устанавливаются судьей-интерпретатором (в том числе и нормы конституции, определяющие его полномочия) и не существуют в правопорядке до акта судебного «толкования». Разрушение связи между автором, текстом и смыслом в современных доктринах толкования права коррелятивно лозунгу Р. Барта о смерти автора и смысла, открывающему возможность ничем не стесненного смыслопорождения, что имеет отголоски в современных доктринах «эволютивного толкования», «живого конституционализма» и «подразумеваемых прав».

Стратегия толкования, отрицающая существование автора и независимого от интерпретатора смысла, в конечном счете отрицает и самого интерпретатора. Возможности преодоления последствий деконструкции смысла просматриваются на пути обоснования позиции интерпретационного реализма.

**Архипов Владислав Владимирович**<sup>9</sup>. Состояние общества, в котором происходит утрата доверия к институтам, ранее обладавшим монополией на производство достоверной общественно значимой информации, называется «постправдой», которое стало «словом года», по версии Oxford Dictionaries в 2016 г. Считается, что в таком значении оно впервые было использовано в 1992 г. в эссе Стива Тесича под названием „A Government of Lies“, опубликованном в журнале The Nation<sup>10</sup>.

<sup>7</sup> Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. С. 351.

<sup>8</sup> Доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права СПбГУ.

<sup>9</sup> Доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета.

<sup>10</sup> Tesich S. A Government of Lies. The Nation. 1992. January 6/13. P. 12–13.

Например, позиция Дж. Харсина заключается в представлении, что концепция «постправды» соотносится с идеей К. Маркса о том, что людям становится известно о классовых противоречиях в капитализме через широкие культурные формы (юридические, политические, эстетические или философские), тогда как эти формы — продукт «великих иллюзионистов»<sup>11</sup>. Общей идеей, стоящей за термином «постправда», по мнению Дж. Харсина, является *«не то, что обычные граждане видят мир с искажением, обусловленным идеологией мыслителей правящего класса, но что “популярные” концепции реальности стали запутанными или подозрительными из-за пресыщенности репрезентации реальности играми, относящимися к экспертно-исполненному стратегическому обману»*.

Как писала С. В. Тихонова, «...в литературе постправда трактуется как самостоятельный концепт медиадискурса, обладающий отрицательными коннотациями и подчеркивающий влияние интерпретаций по сравнению с фактографией. Однако суть постправды сводится к вере, для которой принципиально личностно-эмоциональное отношение к предмету сообщения. Постправда совмещает глобальное с приватным, разоблачение секретов и раздувание скандалов создает близких и понятных героев в условиях дефрагментации жизненного пространства личности»<sup>12</sup>.

«Настоящее» в условиях постправды — это объект отношений, обладающий социально-валютой ценностью (и реален он именно в том смысле, в котором он имеет ценность). Остальное — симулякры. В результате происходит разрушение традиционной, составляющей часть социальной реальности повседневности, монополии на производство правды централизованными институтами; институты, осуществляющие в социологическом смысле «производство» знания, которое считается достоверным (концепция Интернета в целом), становятся децентрализованными. Осуществляется переход от Web 1.0 к Web 2.0 с его пользовательским контентом, а затем появляется информационное пространство, монополизированное несколькими крупными интернет-корпорациями, использующими алгоритмы.

В этих условиях возникает вопрос: сохраняет ли право свою роль как коммуникация? Постановка такого вопроса правомерна в рамках концепций, включающих как минимум отдельные элементы коммуникативной методологии. Если считать, что право как система в качестве структурного элемента включает «происходящие в сознании субъектов социально обусловленные процессы интерпретации и легитимации правовых текстов», при том что в рамках механизма действия права правовые нормы конституируются в сознании субъектов в результате информационного и ценностного воздействия, то закономерным будет вывод о том, что манипуляции с таким информационным воздействием могут повлиять на действие права<sup>13</sup>.

Что же представляет собой принцип добросовестности в этой реальности? С одной стороны, «...начало доброй совести, введенное в надлежащие рамки, означает не что иное, как *честность в отношениях между людьми*. Оно означает, что каждый должен оправдать то доверие, без которого невозможно совершение гражданских сделок... Начало доброй совести означает *борьбу с прямым или косвенным обманом, с использованием чужого заблуждения или непонимания*»<sup>14</sup>. С другой стороны, ключевой составляющей условий постправды является своего рода тотальная взаимная утрата доверия или даже иллюзии доверия на фоне или при доминировании недостоверной информации либо утраты определенности в том, чем же она отличается от достоверной. Право в рамках прежней парадигмы отношений строилось на основе принципа взаимного доверия. Сейчас же можно наблюдать фактический переход к «взаимному гарантированному недоверию» (по аналогии с принципом «взаимного гарантированного уничтожения» как *sui generis* гарантии мира). В этих условиях очевидно, что право находится в кризисе и необходимо искать из него выход, которым может стать технология, создающая доверительную среду вне принципа добросовестности посредством использования технологических алгоритмов, в частности, блокчейна.

**Иштван Хоффман**<sup>15</sup>. Пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на административную систему разных государств, в том числе и Венгрии. Пандемию можно интерпретировать как «стресс-тест устойчивости» административных систем и как вызов доверию к этим системам. Во время пандемии административно-процессуальное право в Венгрии было частично преобразовано. Прежде всего были введены так называемые «подтвержденные уведомления», посредством которых была преобразована разрешительная деятельность административных органов и в какой-то мере заменены положения Закона CL 2016 г. о Кодексе общего административного судопроизводства

<sup>11</sup> Harsin J. Post-Truth and Critical Communication (2018) [Электронный ресурс]. Oxford Research Encyclopedia of Communication. ResearchGate. URL: [https://www.researchgate.net/publication/272752872\\_Regimes\\_of\\_Post-truth\\_Post-politics\\_and\\_Attention\\_Economies](https://www.researchgate.net/publication/272752872_Regimes_of_Post-truth_Post-politics_and_Attention_Economies) (дата обращения: 10.05.2021).

<sup>12</sup> Тихонова С. В. Конкуренция науки и лженауки в эпоху постправды. Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 289.

<sup>13</sup> См.: Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб.: Изд. СПбГУ, 2017. С. 103, 275.

<sup>14</sup> Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве. Известия Академии наук СССР. 1946. № 6. С. 432.

<sup>15</sup> Доктор юридических наук, профессор кафедры административного права юридического факультета Университета Eötvös Loránd, Будапешт, Венгрия; старший научный сотрудник Центра социальных наук Института исследований в области права, Будапешт, Венгрия; профессор кафедры права и управления факультета публичного международного права Университета им. Мари Кюри-Складовской, Люблин, Польша (Lublin, Poland, Faculty of Law and Administration, Department of Public International Law).

(далее CGAP)<sup>16</sup>. Изменился и статус органов местного самоуправления. Финансовая автономия муниципалитетов была ограничена, во-первых, переводом нескольких местных налогов на уровень государственных налогов и изменением размера их ставок и, во-вторых, созданием особых экономических зон. Также были внесены изменения в процедуры принятия решений в муниципалитетах. Несмотря на то, что после третьей волны острое ощущение опасности развития пандемии уменьшилось, введенные ранее ограничения были сохранены. Поэтому можно подчеркнуть, что положения, которые в результате изменений остались в рамках венгерского права, лишь косвенно связаны с эпидемиологическими мерами. Эти реформы повлияли на доверие к венгерской административной системе, и устойчивость венгерской системы была поставлена под сомнение.

Если мы обратимся к Основному закону Венгрии от 25 апреля 2011 г. (далее: Основной закон), то увидим, что п. 1 ст. 53 Основного закона гласит, что состояние чрезвычайной ситуации (*veszélyhelyzet*) может быть объявлено «в случае стихийного бедствия или промышленной аварии, угрожающей жизни и имуществу». Таким образом, эпидемическая ситуация не является в соответствии с Основным законом одной из возможных причин, при которых могло бы вводиться особое правовое регулирование. Детальное регулирование порядка установления и введения чрезвычайной ситуации в качестве особого правового порядка регулируется Законом CXXVIII 2011 г. о борьбе со стихийными бедствиями (далее: Закон о борьбе со стихийными бедствиями). Нормы Основного закона получают широкое толкование с позиции положений, предусмотренных подп. (с) ст. 44 Закона о борьбе со стихийными бедствиями. В законе установлено, что «заболевания человека, вызывающие массовые болезни и эпидемии животных», являются оправданной причиной объявления чрезвычайной ситуации. В случае введения чрезвычайного положения в соответствии с Основным законом большинство мер, определенных гл. 21–24 Закона о борьбе со стихийными бедствиями, могут быть введены правительством, которое может издавать указы, противоречащие актам парламента, на переходный период продолжительностью 15 дней. В дополнение к чрезвычайным правительственным постановлениям ограниченное число министров, таких как министр, отвечающий за образование и профессиональную подготовку, или министр, отвечающий за национальную собственность, могут также принимать решения, которые представляют собой индивидуальные акты.

Приведенные выше положения закона показывают, что в рамках пандемии COVID-19 конституционное право, как основа государственного управления не только в Венгрии, но и других европейских государствах, оказалось под угрозой<sup>17</sup>. В рамках венгерской системы управления не были предусмотрены положения, устанавливающие порядок действия в условиях чрезвычайной ситуации в системе здравоохранения. Чрезвычайное положение изначально было объявлено Постановлением правительства № 40/2020 от 11 марта 2020 г.<sup>18</sup> На основании конституционного регулирования и положений Закона о борьбе со стихийными бедствиями правительство имело возможность приостанавливать применение актов парламента своими (чрезвычайными) декретами, принимать положения, отклоняющиеся от некоторых законодательных положений, и принимать иные чрезвычайные меры. На основании п. 3 ст. 53 Основного закона эти декреты остаются в силе в течение 15 дней по общему правилу, если только сфера действия этих (чрезвычайных) декретов не будет продлена Парламентом. Поскольку эпидемиологический риск и его урегулирование может занять более 15 дней, парламент, приняв законопроект, представленный правительством, решил расширить сферу действия чрезвычайных указов с помощью общего разрешения посредством принятия Закона XII 2020 г. Однако закон не вступил в силу в течение 15 дней с момента принятия первых чрезвычайных постановлений правительства, и для сохранения ранее установленных правительством мер государственный главный врач принял специальное решение, которое трудно интерпретировать в рамках существующей системы нормативных актов Венгрии. С одной стороны, главный государственный врач не уполномочен п. 1 ст. 23 Закона CXXX 2010 г. о законодательных актах принимать такое нормативное решение. С другой стороны, решение не соответствует нормам Закона CLIV 1997 г. о здравоохранении.

Выявленные недостатки правового регулирования были устранены посредством принятия Закона LVIII от 2020 г. о переходных правилах, связанных с прекращением чрезвычайной ситуации и о чрезвычайной эпидемиологической ситуации (далее: Переходный закон), которым был введен новый институт эпидемиологической чрезвычайной ситуации.

Закон XII 2020 г., который расширил сферу действия чрезвычайных постановлений правительства, был отменен Законом LVII от 2020 г. о прекращении чрезвычайного положения. Применение специальных правил, введенных на период чрезвычайного положения, было продлено Переходным законом в целом до 31 августа 2020 г. В рамках пандемии принималось значительное количество различных актов, что привело к возникновению ряда правовых

<sup>16</sup> Fazekas M. (2020) Az Ákr. hatálya. Az Ákr. tárgyi hatálya: a hatósági ügy, in: Fazekas, M. (ed.) Közigazgatási jog. Általános rész III (Budapest: ELTE Eötvös). P. 89–96.

<sup>17</sup> Horvat M., Piątek W., Potěšil L. & Rozsnyai K. F. (2021) Public Administration's Adaptation to COVID-19 Pandemic — Czech, Hungarian, Polish and Slovak Experience. Central European Public Administration Review 19(10) 147–148. doi: <https://doi.org/10.17573/cepar.2021.1.06>

<sup>18</sup> В Венгрии после перехода к демократии чрезвычайная ситуация объявлялась несколько раз, хотя, как правило, в отношении части территории страны. Так, например, правительство объявило чрезвычайное положение во время наводнения на Дунае в 2002 г. (Постановление правительства № 176/2002 от 15 августа 2002 г.) и после промышленной катастрофы в Девексере (Постановление правительства № 245/2010 от 6 октября 2010 г.).

вопросов. В итоге в Основном законе появилась Девятая поправка, в соответствии с которой было изменено правовое регулирование о введении чрезвычайных ситуаций, а в течение 2021 г. были внесены соответствующие изменения в законодательные акты.

На доверие к административным органам и административным системам существенно влияет прозрачность их процедур принятия решений<sup>19</sup>. Изменение порядка принятия решений муниципальными органами власти также может оказать значительное влияние на доверие к венгерской местной и региональной административной системе. Чрезвычайными положениями в венгерском публичном праве был введен особый режим принятия муниципальных решений, когда все полномочия по их принятию были переданы от муниципального совета мэру. Таким образом мэры получили полномочия в определенных условиях принимать нормативные акты, которые будут оставаться в силе и после окончания соответствующего чрезвычайного положения. Позднее, еще в условиях действия чрезвычайной ситуации, полномочия представительных органов и комитетов были восстановлены Постановлением правительства № 307/2021 от 5 июня 2021 г.

Как видим, кризисные ситуации стимулируют централизацию принятия решений и властных полномочий. В то же время во время первой волны пандемии муниципалитетам были фактически переданы полномочия принимать самые непопулярные решения, например, о часах работы и времени покупок для пожилых людей на местных рынках, о местном комендантском часе, об условиях ношения масок и т. п. В то же время на муниципальном уровне в зависимости от размера и доходов муниципалитеты могли предоставлять различные услуги, как, например, взятие ПЦР-тестов, предоставление пособий. Но, учитывая централизацию отдельных налогов, возникает вопрос, смогут ли быть сохранены эти услуги на муниципальном уровне.

Таким образом, пандемия COVID-19 привела к изменению правовой (и административной) системы Венгрии и оказывает существенное влияние на доверие к венгерской системе регулирования и управления. Некоторые новые положения лишь частично были связаны непосредственно с пандемией, были внесены в законодательство, и, если бы пандемии не было, к таким изменениям было бы приковано значительно больше общественного и политического внимания.

**Малютин Никита Сергеевич**<sup>20</sup>. Вопросы правовой регламентации отношений доверия между властью и гражданами в значительной степени были разрешены Конституционным судом Российской Федерации. В частности, последний в рамках своей практики сформулировал крайне важный для правовой оценки проводимой государством политики принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства (Постановления 8-П/2001, 16-П/2018, 24-П/2021 и др.). При этом, несмотря на столь масштабное конституционное обоснование (ст. 1, ст. 2, ч. 2 ст. 15, ч. 1 ст. 17, ст. 18 и др. Конституции РФ), основной фокус внимания правоприменителя при использовании названного принципа направлен исключительно на законотворческую его составляющую. Проще говоря, фактическая сфера действия принципа на практике сужается исключительно до поддержания доверия граждан к законодательству. В то же время, как представляется, наиболее чувствительная сфера, требующая поддержки и одобрения населения, — деятельность государства в целом — остается без какой-либо предметной конкретизации.

Анализ практики Конституционного суда подтверждает сделанный вывод. В частности, говоря о содержании названного принципа, орган конституционного контроля нередко раскрывает его через «необходимость разумной стабильности правового регулирования», «предсказуемость законодательной политики», «недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм», «формирование правового регулирования, адекватного ожиданиям субъектов правоотношений» (Постановление 9-П/2004), «уверенность субъектов правоотношений в устойчивости формируемого законодательством правового статуса» (Постановление 34-П/2018), а также «законные ожидания граждан, что приобретенные ими права будут уважаться властями» (Постановление 8-П/2001) и др.

К чему приводит подобное сужение трактовки конституционного принципа на практике? В настоящее время все большее регулятивное значение приобретают экстраординарные правовые акты, зачастую порождающие весьма серьезные правовые последствия для субъектов правоотношений, в то же время не имеющие никакого отношения к традиционным результатам законотворчества (постановления Главного государственного санитарного врача и др.). Кроме того, нередки случаи наделения регулятивными полномочиями (публичными полномочиями) негосударственных субъектов, решения и действия которых также существенным образом затрагивают права и свободы человека. Как представляется, подобные ситуации могли бы стать предметом оценки с точки зрения соответствия конституционному принципу поддержания доверия граждан к *действиям государства*.

Именно такой широкий подход к интерпретации принципа, непосредственно вытекающий из самой его формулировки, а также конституционных положений, формирующих его основу, с одной стороны, не исключает возможности государства осуществлять необходимое оперативное регулирование общественных отношений как через традиционное нормирование отношений, так и путем формирования конкретной правоприменительной практики, а с другой — расширяет сферу публичного контроля подобной деятельности государства и его агентов (в том числе

<sup>19</sup> Grimmelikhuijsen S. G. (2010) Transparency of Public Decision-Making: Toweóards Trust in Local Government? Policy & Internet 2(1). P. 7–9. doi: <https://doi.org/10.2202/1944-2866.1024>

<sup>20</sup> Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

посредством конституционного правосудия), выступает своего рода превентивным инструментом, предостерегающим государство от столь желанных, однако не разделяемых обществом шагов.

**Осветимская Ия Ильинична**<sup>21</sup>. Я хотела бы проанализировать модели демократии в ракурсе дискуссии между немецким философом Ю. Хабермасом и бельгийской исследовательницей политики Ш. Муфф. Для Ю. Хабермаса характерно стремление к достижению не простого согласия, а рационального консенсуса, именно он выступает основанием либеральной демократии, гарантирует соответствие властных механизмов демократическим ценностям. Ш. Муфф критикует делиберативную модель по следующим направлениям. Она ставит под сомнение возможность именно рационального консенсуса. Коммуникация между властью и обществом далеко не всегда носит рациональный (аргументированный) характер. Тяготение к ценностям демократии и либерализма, скорее, основывается не на рациональной аргументации, а на «страстном выборе системы ориентации». Она отмечает процедуральный характер достижения консенсуса и считает ошибочным предполагать, что «процедурное» может стоять особняком от «субстанциального», а правила, подлежащие применению в каждом частном случае, могут быть сформулированы в виде общих принципов в отрыве от условий, которые формируют эти самые частные случаи.

В части возможности и необходимости достижения консенсуса в целом Ш. Муфф подвергает деконструкции делиберативную модель, обнажая заложенное внутри нее угнетение консенсусом плюрализма. Абсолютный консенсус, по мнению сторонников диссенсуальной модели, невозможен, отсутствие соперничества во властных отношениях, беспристрастный и нейтральный характер протекающих дискуссий рано или поздно приведет к ощущению недостаточной личностной вовлеченности в политическую деятельность, что может послужить причиной упадка заинтересованности в демократическом управлении государством, поверхностного отношения к рассматриваемым вопросам, а в дальнейшем — к кризису политической идентичности, само существование которого в условиях демократии подрывает общественное устройство.

**Разуваев Николай Викторович**<sup>22</sup>. Характерной особенностью ситуации «новой реальности» является качественное преобразование правового порядка и политической системы, появление новых сфер регулирования, а также отношений, не имевших аналогов ранее. Речь идет, в частности, о цифровизации большинства сфер жизни общества (экономической, политической, правовой) и о внедрении виртуальных объектов в качестве необходимого атрибута повседневной жизни<sup>23</sup>.

Под влиянием указанных факторов социальные взаимодействия охватывают все более широкий круг субъектов, причем те отношения, которые требовали непосредственного участия (например, трудовые отношения, гражданские договоры и т. п.), теперь переносятся в виртуальную сферу. Одновременно распадаются межличностные контакты, ранее составлявшие фундамент общественного порядка. Взаимодействия, в том числе политические и правовые, становятся обезличенными, что, в свою очередь, создает неопределенность, обусловленную отсутствием обратной связи субъектов социального общения. В таких условиях последствиями формирования «новой реальности» становятся нарастание нестабильности, перманентность чрезвычайных ситуаций, в которых девиантное поведение приобретает широкое распространение, создавая угрозу выживанию общества<sup>24</sup>.

В середине прошлого века по итогам двух мировых войн сложился своеобразный идейный консенсус, цель которого состояла в том, чтобы предотвратить возможность возрождения тоталитарных диктатур, приведших человечество к катастрофе. Суть данного консенсуса заключалась в признании субъектности как человека, так и государства. Человек в юридических документах, принятых после Второй мировой войны (прежде всего, во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и ряде принятых на ее основе международно-правовых актов), рассматривался не в качестве члена сообществ, но как автономная личность, обладающая свободной волей, самостоятельностью и неотчуждаемыми правами.

В свою очередь, и государство как структура политической власти, обладая свойствами субъектности, включая правосубъектность, взаимодействовало с индивидами как участник политического и правового общения. Именно на признании субъектности личности и государства основывалась их взаимная ответственность. Трансформация социальных связей, а также деперсонификация указанных субъектов в эпоху постмодерна породили их отчуждение и дефицит обоюдного доверия. Задача (в том числе научного познания) состоит, следовательно, в возрождении доверия на новой основе и налаживании диалога государства и личности.

Цифровизация средств коммуникации в информационном обществе открывает новые перспективы для достижения консенсуса и создания эффективных механизмов принятия решения, базирующихся на учете мнения и соблюдения прав каждого из субъектов. Несовершенство средств образования и выражения воли индивидов в рамках

<sup>21</sup> Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (филиал в Санкт-Петербурге); доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

<sup>22</sup> Заведующий кафедрой гражданского и трудового права СЗИУ РАНХиГС, доктор юридических наук.

<sup>23</sup> См.: Яковлева-Чернышева А. Ю., Дружинина А. В. Правовое регулирование процессов цифровизации в России: гражданско-правовой аспект. Юридические исследования. 2021. № 8. С. 51.

<sup>24</sup> См. подробнее: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000; Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011.

коллективных образований (будь то частное сообщество, юридическое лицо, муниципальное образование или государство) являлось сложной и трудно разрешимой проблемой политических и правовых систем — от античности до эпохи Нового времени. Данная проблематика находилась в центре внимания политических философов прошлого (Аристотеля, Руссо), а также современных авторов (прежде всего, таких как Юрген Хабермас).

Развитие цифровых средств связи, достоинства и недостатки которых особенно наглядно проявили себя в условиях пандемии Sars-CoV-2, способствует выработке новых способов и форм правовой коммуникации, вовлекающей все более широкий круг субъектов. Становление институтов электронной демократии, а также цифровизация взаимодействий (договорных, судебных и т. п.) в сфере частного права, с одной стороны, позволяют вовлечь в сферу принятия решений каждого члена общества, способного внятно выразить свою волю. С другой стороны, появляются новые способы манипуляции общественной и индивидуальной волей, инструменты противодействия которым на данный момент не апробированы. Данная проблема приобретает особую актуальность и служит предметом дискуссии.

Следствием социальной неопределенности эпохи постмодерна стал релятивизм, проистекающий из контекстуальной обусловленности правовых и политических понятий (в том числе таких фундаментальных для современного общества, как демократия, свобода, права человека и проч.). Сторонники правового релятивизма выдвигают лозунг неуниверсальности данных понятий, которые в различных обществах реализуются различным, принципиально неоднозначным образом. Отсюда следует вывод о том, что правовые универсалии представляют собой не что иное, как абстракции, которые, в зависимости от контекста, наполняются неодинаковым и даже неоднозначным содержанием. Господствующие в ту или иную эпоху представления о праве являются итогом консенсуса, согласования позиций членов общества по принципиальным мировоззренческим проблемам.

Такой подход, с одной стороны, представляется продуктивным, поскольку способствует признанию равноценности любых точек зрения и стимулирует диалог по вопросам, имеющим принципиальное значение для правопорядка. С другой же стороны, отрицание универсальных ценностей и базовых закономерностей правового и социального развития контрпродуктивно с научной точки зрения и создает угрозы в практическом плане, лишая общество ориентиров устойчивого развития. Задача познания состоит, следовательно, в выявлении пределов контекстуальной обусловленности политико-правовой коммуникации и описании системы универсальных категорий, значимых в любых конкретных социально-исторических условиях.

**Мордвинов Константин Владимирович<sup>25</sup>**. Как известно, имидж правоохранительных органов — это эмоционально окрашенный образ силового ведомства, целенаправленно создаваемый и оказывающий психологическое воздействие на различные социальные группы.

Анализ оценок населением института правоохранительных органов демонстрирует положительную динамику по ряду направлений.

- Возрос индекс одобрения правоохранительных органов (с –14 до +22).
- На 60% сократилось количество обвиняемых в коррупции сотрудников правоохранительных органов в 2019 г.
- Отмечается рост уровня доверия к полиции, (с –26 до 23).
- Также наблюдается позитивный рост уровня оценки защищенности населения (с 38,4 до 51,1).

В целом можно наблюдать существенный позитивный сдвиг в отношении населения к правоохранительной сфере. Вместе с тем, несмотря на позитивные сдвиги, абсолютные показатели доверия к правоохранительным органам являются сравнительно невысокими.

Это демонстрирует также невысокий индекс одобрения деятельности общественных институтов, данные для подсчета которого собирают коллеги из ВЦИОМа. По последним данным, больше всего население одобряет действия российской армии, а оценка работы правоохранительных органов и судебной системы заметно ниже.

Возьмем для примера США, где международное аналитическое и консалтинговое агентство Gallup ежегодно проводит опрос среди населения Америки о том, какие профессии оно считает наиболее этичными и честными. Имидж полиции достаточно высок — полицейские входят в ТОП-5 профессий, хотя с 2016 г. по 2020 г. доверие к ним колеблется в пределах 50–60%. Как видим, полицейским доверяют меньше, чем врачам и медсестрам, но больше, чем священникам. В целом репутация полиции в Америке с каждым годом растет: мы видим тенденцию роста доверия населения к полицейским с 1977 г. по 2020 г., хотя с 2020 г. и по настоящее время ситуация в США кардинально изменилась, в том числе из-за общественного движения Black Lives Matter (BLM; «Жизни черных важны»), которое призывает к борьбе с насилием правоохранительных органов.

Такой неуклонный рост репутации правоохранительных органов обеспечивается целым комплексом мер со стороны государства, среди которых, например, ежегодный опрос общественного мнения среди местных жителей, чтобы оценить степень их удовлетворенности местной полицией и иными правоохранительными органами, и запрос предложений о том, как местный департамент может обеспечить более высокий уровень обслуживания и более позитивное восприятие и связь с сообществом. Руководители правоохранительных органов часто появляются на пу-

<sup>25</sup> Директор Центра исследований проблем общественной безопасности и правопорядка при СЗИУ РАНХиГС.

блике, посещают общественные мероприятия. Осуществляется продвижение новых сотрудников правоохранительных органов в местных средствах массовой информации, чтобы жители знали их в лицо, их уровень образования и подготовки, а также какие личные качества новые офицеры привносят в работу и общество. Проводится повышение квалификации служащих, например, по вербальной и невербальной коммуникации, по кризисному вмешательству, обучению деэскалации и снижению стресса, а также по эффективному обращению с людьми, страдающими эмоциональными расстройствами. Основной акцент такого комплекса мер — на «очеловечивании» сотрудника правоохранительных органов, а также на развенчании мифов о том, как работает полиция, что происходит за тюремными стенами, что работает на повышение прозрачности работы сотрудников и руководителей правоохранительных органов. В частности, этому посвящены книги „Doing Prison Work“ Элани Кроули и автобиография „The Crime Fighter“ Джека Мейпла и Криса Митчелла.

В Эстонии Министерство юстиции в 2008 г. утвердило Кодекс этики тюремных служащих, в котором очень подробно описаны различные стороны работы сотрудников уголовно-исполнительной системы. В нем содержится подробное описание того, какое поведение можно считать коррупционным, некорректным в общении с коллегами и заключенными, недопустимым при взаимодействии со СМИ и в Интернете, а также правила поведения во внерабочее время.

Кроме того, с 2005 г. в Эстонии реализуют программу «Электронная полиция». В каждой патрульной машине установлен комплекс технических средств, который позволяет полицейским получать доступ ко всей необходимой информации. Штаб-квартира в режиме реального времени координирует перемещение и местоположение каждого сотрудника. Также любой гражданин на официальном сайте полиции может оставлять официальные запросы, следить за разбирательством своего дела, оплачивать пошлины. Хочу отметить, что часть подобного функционала (официальные запросы, оплата пошлин) доступна и в нашей системе Госуслуг, которая является элементом электронного правительства. Как результат, Эстония заявила о том, что у них значительно сократилось количество убийств, а доверие к полиции колоссально возросло.

Интересная практика существует и в Великобритании. Например, Центр знаний по проблемам сексуальной эксплуатации детей и деятельности полиции создал пособие для сотрудников правоохранительных органов о принципах общения полицейских с детьми и молодежью так, чтобы установить с ними доверительный контакт и максимально эффективно оказать помощь.

В России также существуют успешные практики, способствующие положительному влиянию на имидж правоохранительных органов. Например, транслируются новости об успехе сотрудников правоохранительных органов в предотвращении преступлений и поимке преступников (заголовки со словами: «спасли», «помогли», «вернули хозяину», «поблагодарили», «отличная работа»); распространяется информация о мероприятиях, проводимых внутри структуры правоохранительных органов для информирования населения об их работе (заголовки со словами: «наградили», «провели хорошую работу», «улучшили статистические показатели», «оздоровили обстановку»). В целом важно отметить, что доступность, информативность и понятность для граждан официальных ресурсов правоохранительных органов — важный фактор повышения доверия к ним.

Имидж правоохранительных органов поддерживается также освещением событий официальными ведомствами в социальных сетях («Одноклассники», «ВКонтакте», Instagram, Twitter, Facebook и т. п.), в которых очень важно отвечать на вопросы и комментарии граждан, быть с ними в прямом контакте.

Мощным каналом формирования образов и моделей сотрудников правоохранительных органов в целях повышения доверия к ним являются тематические фильмы и сериалы.